

Общероссийская общественная организация
«Ассоциация учителей литературы и русского языка»
Ярославское региональное отделение

Государственное образовательное автономное учреждение
Ярославской области
«Институт развития образования»

Н. П. Рязанцев, Ю. Г. Салова

Рыбинские краеведческие съезды в 1920-е годы

Ярославль
2015

УДК 908(470.316-21Рыб) «192»
ББК 63.3(2Рос-4Яро-21Рыб)61
Р 98

*Издано Ярославской региональной
общественной организацией
поддержки гражданских инициатив «Диалог»
в рамках реализации социально значимого проекта
«Всероссийский съезд краеведов-филологов»,
разработанного Ярославским региональным отделением
общероссийской общественной организации
«Ассоциация учителей литературы и русского языка».*

*При реализации социально значимого проекта
используются средства государственной поддержки,
выделенные в качестве гранта в соответствии
с распоряжением Президента Российской Федерации
от 01.04.2015 №79-рп и на основании конкурса,
проведенного Обществом «Знание» России.*

Распространяется бесплатно.

Р 98 **Рязанцев Н. П., Салова Ю. Г.**
Рыбинские краеведческие съезды в 1920-е годы. / Рязанцев Н. П., Салова Ю. Г. – Ярославль: ООО «Академия 76», 2015. – 32 с.

ISBN 978-5-906040-22-1

Работа посвящена истории рыбинских краеведческих съездов, проводившихся Рыбинским научным обществом в 1920-е годы, в эпоху «золотого десятилетия» советского краеведения. Эти съезды, как одно из основных направлений в работе Рыбинского научного общества, позволили рыбинским краеведам сконцентрировать внимание на актуальных направлениях изучения истории, культуры и экономики не только Рыбинского края, но и всего Верхневолжья. Благодаря краеведческим съездам Рыбинское научное общество стало одним из самых известных и авторитетных краеведческих учреждений в стране, результаты некоторых его исследований были востребованы за рубежом. Работа предназначена для преподавателей гуманитарных дисциплин, музейных работников, студентов и учащихся, а также для всех интересующихся историей российского краеведения, историей и культурой родного края.

УДК 908(470.316-21Рыб) «192»
ББК 63.3(2Рос-4Яро-21Рыб)61

© Рязанцев Н. П., Салова Ю. Г.
© ООО «Академия 76», 2015

В сентябре 1909 г. в Рыбинске было организовано отделение Ярославского естественно-исторического общества (ЯЕИО), объединившее, прежде всего, местную интеллигенцию. При отделении были созданы метеостанция и астрономическая обсерватория. Одним из главных направлений своей работы сотрудники отделения считали создание при обществе музея. В следующем году музей был открыт. Он занимал небольшое помещение в здании коммерческого училища и ориентировался главным образом на работу с учащимися различных учебных заведений Рыбинска¹.

Большую роль в деле популяризации краеведения в Рыбинске сыграли братья Золотаревы². Зимой 1913 г. они были участниками съезда учительских обществ взаимопомощи им. К. Д. Ушинского, проходившего в Петербурге. Одной из секций руководил С. А. Золотарев. Под его руководством обсуждался вопрос об организации экскурсионной работы в школе. В докладе руководителя секции, посвященном образованию учительства, был поставлен вопрос о повышении квалификации учителей, в том числе и через образовательные экскурсии по России и за границу. Секция вынесла специальное решение, уточняя, что экскурсии должны быть так организованы, «чтобы сообщали возможно полное знакомство с культурной жизнью посещаемых местностей и давали толчок к дальнейшему самообразованию»³.

Доклад Д. А. Золотарева был посвящен участию учительства в изучении родного края. В нем, в частности, отмечалось, что при организации учительских курсов, на которых рассматриваются вопросы о методиках преподавания таких предметов, как география,

1 См.: Салова Ю. Г. Братья Золотаревы о развитии образовательных экскурсий в начале XX в. (По материалам журнала «Русский экскурсант») // XI Золотаревские чтения. Рыбинск, 2006. С. 56–58.

2 Братья Золотаревы оказали заметное влияние на развитие разных направлений краеведческой работы, в том числе и на литературное краеведение. См., например, работы С. А. Золотарева: Писатели-ярославцы: Ярославский край как один из культурных центров России. Ярославль, 1920. Вып. 1.; Писатели-ярославцы: Ярославская струя в литературе XVIII в. Ярославль, 1920. Вып. 2. Кроме того, в 1920-е годы он подготовил ряд пособий по литературе: Общедоступные очерки по истории русской литературы. М., 1924; Литература в цифрах и схемах. М.; Л., 1929.

3 Русский экскурсант. 1914. №1. С. 9 (Далее РЭ).

землеведение, этнография, помимо лекций важно устраивать экскурсии, которые знакомили бы учителей с методами исследования и приемами собирания различных материалов.

Своеобразным методическим руководством для налаживания этой работы стал ярославский журнал «Русский экскурсант», первый номер которого вышел в марте 1914 года. На его страницах Д. А. Золотарев обращался и к проблеме теории и методики экскурсионного дела. Основной вывод, сделанный Золотаревым, состоял в том, что на местах необходимо создавать экскурсионные бюро, главной целью которых должна стать помощь и содействие местным и приезжающим экскурсантам. Причем необходимость таких бюро, очевидна как на губернском, так и на уездном уровнях. По мнению автора, бюро можно организовать при местных научных обществах или при учебных заведениях, причем привлекаться к их работе могло бы прежде всего учительство. Образовательный характер экскурсий в этом случае становился бы доминирующим⁴.

В своей статье «Родиноведение и народный учитель»⁵ он подчеркивал, что устройство школьных музеев и экскурсий «неразрывно связывают школу с родиноведением»⁶. Проследившая историю развития этого направления в России, автор отмечает, что в современных условиях чисто научные задачи изучения малой родины выдвигают «заботу об улучшении природных условия и жизни населения местного края». Особая роль в развитии родиноведения принадлежала и принадлежит учительству. Автор призывал учителей, особенно сельских, активнее включаться в процесс создания обществ по изучению местного края. Важно, чтобы также общество «выдвинуло своей задачей всестороннее изучение местного края и популяризацию научных сведений среди населения, а также получило право устраивать публичные лекции, организовывать экскурсии, участвовать в научных съездах, открывать музеи, опытные поля, печатать свои труды и т. д.»⁷.

4 РЭ. 1914. № 2. С. 5–10.

5 РЭ. 1914. № 5–6. С. 6–14.

6 Там же. С. 6. Впервые идеи изучения малой родины появились в Уставе народных училищ 1786 г. и Уставе народных училищ 1804 г. В 1862 г. Н. Х. Вессель предложил ввести в школе учебный предмет «отчизноведение». К. Д. Ушинский называл этот предмет «отечествоведение».

7 Там же. С. 11.

Такие серьезные предпосылки для развития краеведческих исследований привели к тому, что, несмотря на войну, в 1915 г. представители всех отделений Ярославского естественно-исторического общества попытались организовать съезд краеведческих научных обществ и посвятить его полувековому юбилею ЯЕИО⁸. Но условия войны и революции не способствовали успешному развитию краеведческих обществ, в том числе и Рыбинского отделения ЯЕИО. К тому же город покинули те, кто стоял у его истоков, в частности, в Мологу в 1918 г. переехал Н. Н. Розов. Музей общества оставался в здании коммерческого училища, но практически не работал, так как теперь там располагалась воинская часть. Затем здание было отдано под военный лазарет, и музей был вынужден покинуть это помещение.

Только в 1919 г. обозначилось некоторое оживление научной деятельности Рыбинского отделения ЯЕИО, когда в его ряды вошли члены Рыбинского союза потребительских обществ. Расчет краеведов был на то, что кооперация поможет материальными средствами, а отделение общества даст свои научные силы. Так возникла секция краеведения Рыбинского научного общества. В правление секции краеведения вошли А. А. Золотарев, Л. В. Васильева, Н. В. Андрианов, А. П. Ключкова и П. Н. Фабричный. Всего в составе секции было 33 человека. Интересно, что у многих членов за плечами было соответствующее образование: учительские и духовные семинарии, реальные школы, педагогические курсы. Многие отмечали, что хотели бы заниматься историей края⁹.

Основной целью работы руководство секции считало всестороннее изучение родного края. Для этого уже в 1919 г. в Рыбинске были организованы краткосрочные курсы по краеведению, на которых слушателям с мест были даны методические рекомендации по изучению родного края, а также были организованы командировки членов секции в волости, чтобы помочь на местах организовать волостные краеведческие ячейки. Были отпечатаны тиражом в одну тысячу экземпляров «Краткие указания по собиранию историко-ар-

⁸ Золотарев А. Итоги семи рыбинских краеведческих съездов // Краеведение. 1927. Т. 4. № 1. С. 111.

⁹ Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области (РБФ ГЯО). Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–1 об.

хивных сведений»¹⁰. В декабре 1920 г. подобные курсы были проведены вторично.

Уже в 1920 г. секция краеведения насчитывала 40 членов. С их помощью в Рыбинском, Мологском и Мышкинском уездах было организовано восемь волостных секций краеведения, в частности Николо-Кормская, Некоузская, Копринская, Голицынская и другие. Удалось найти хранителя для естественно-исторического музея и провести инвентаризацию экспонатов после переезда музея в новое здание. Секция краеведения вступила в члены Русского географического общества¹¹.

В это же время вновь возродилась идея проведения краеведческих съездов. Еще в середине февраля 1920 г. рыбинцы известили все краеведческие организации, что весной планируют провести такой съезд. Доклады на съезд предлагалось присылать почтой на адрес секции краеведения. Планировалось 12 пунктов повестки дня, в том числе «Археология местного края», «Изучение памятников искусства», «Изучение музейного дела в губернии», «Ярославская губерния как место экскурсий» и т. д.¹².

Первый съезд работников краеведения Ярославской губернии (Первый Рыбинский краеведческий съезд) состоялся 29–31 мая 1920 года. На съезде присутствовало около 70 делегатов, в том числе 38 приезжих, из них больше всего было представителей Тверской и Череповецкой губерний. С вступительным словом к съезду обратился А. А. Золотарев. Он информировал делегатов о деятельности Академии наук, обозначив ключевые проблемы: большую смертность среди членов, трудности с изданием трудов¹³.

На съезде прошло 6 заседаний, в ходе которых были заслушаны доклады по различным направлениям краеведческой работы. М. В. Бабенчиков в докладе «Музейное дело в Ярославской губернии» отметил, что музей является одним из видов внешкольного образования, а также формой учета и охраны памятников. Отсюда, по его мнению, вытекала необходимость широкой организации музеев. В некоторых городах губернии —

¹⁰ РбФ ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 15. Л. 14.

¹¹ Там же.

¹² ГАЯО. Ф. Р. 221. Оп. 1. Д. 137. Л. 1–2.

¹³ Там же. Л. 9–9 об.

Ростове, Угличе, Ярославле они уже давно существуют. В настоящее время, отмечал докладчик, организуются в Романове (Тутаеве), Рыбинске, Данилове и других городах. В остальных 4 городах имеются агенты подотдела, ведущие регистрацию и охрану памятников. Есть даже сельский музей — в селе Великом. Бабанчиков, будучи представителем управленческих структур, констатировал, что подотдел стремится расширить экскурсионное дело. Посещение музеев, по его мнению, «сильно возросло в последнее время». Были устроены курсы руководителей художественных экскурсий. С целью пропаганды намечалось создать свой музейный печатный орган¹⁴.

Он также отмечал, что ярославские события лета 1918 г. выдвинули неотложную задачу — реставрацию разрушенных памятников, притом реставрацию научную, соответствующую замыслу творца памятника, а не восстановление памятника в его позднейшем виде. Такая работа привела к открытию в Спасском монастыре Святых ворот, в Угличе таким же образом была реставрирована Дивная церковь. В ближайшее время в Ярославле будет созван съезд работников музейного, библиотечного и архивного дела¹⁵.

Доклад А. А. Золотарева был посвящен деятельности Рыбинского научного общества за 10 лет. Он констатировал, что разработан план Музея местного края, который должен быть Музеем Волги. Характерная особенность общества, по его мнению, — тесная связь между старыми и начинающими работниками, «ломка старого произошла благополучно, связь поколений, а вместе с ней и преемственность работы сохранилась»¹⁶.

29 мая были заслушаны отчеты Тутаевского и Пошехоно-Волдарского обществ, а утром 30 мая делегаты съезда познакомились с экспозициями естественно-исторического музея.

П. А. Критский выступил с докладом «Материалы по библиографии местного края». Прежде всего, он поблагодарил своих предшественников — графа А. С. Уварова, А. А. Титова, И. А. Вахрамеева, И. М. Снегирева, Ф. К. Опочинина, К. Н. Евреинова за большой вклад в изучение края. Говорилось также, что гибель биб-

¹⁴ ГАЯО. Ф. Р. 221. Оп. 1. Д. 137. Л. 11.

¹⁵ Там же. Л. 11 об.

¹⁶ Там же.

лиотеки лица — «это горе уже не одного Ярославля, а горе культурного мира». Сгорели материалы И. А. Тихомирова, библиотека И. Н. Ельчанинова, всего до 15 личных библиотек¹⁷.

Автор отмечал, что в его библиографический указатель литературы о местном крае (работа еще не была закончена) занесено до 90 названий периодических изданий. «Имен местных краеведов я насчитал 453, ими дано около 1000 работ»¹⁸. По уездам больше всего в Ростовском — 187, меньше всего — в Даниловском (11) и Любимском (13)¹⁹.

Доклад вызвал оживленный обмен мнениями. А. А. Золотарев говорил о громадной потребности в такой работе. Он предложил библиотекам собирать и рукописи, пока архивное дело не встанет на нужную высоту. Критский согласился только отчасти: пусть библиотеки собирают и рукописный материал, но для хранения его нужно отправлять в центр.

Обсуждая предложенный доклад, Н. Г. Первухин обозначил необходимость создания Музея литературы, для которого, в том числе, нужно собирать афиши, воззвания и т. п. Н. Н. Розов предложил переиздать книгу Критского «Наш край»²⁰, а Д. А. Золотарев заявил, что вопрос о библиографии является краеугольным камнем в деле изучения родного края²¹.

П. А. Критский указал, что цель его издания чисто практическая — дать, по возможности, скорей материал по местному краю, а в дальнейшем эта работа будет пополняться. После обсуждения делегаты посетили Художественно-исторический музей.

Н. Г. Первухин прочитал на съезде доклад «Фрески города Ярославля». Он изложил ситуацию с состоянием памятников архитектуры. В частности, отметил, что Спасский монастырь пострадал от мятежа 1918 г., но одновременно и выиграл — были открыты древние фрески Святых ворот²². Им же был сделан доклад о состоянии архивного дела. Отмечалось, что в Ярославле удалось спасти Виленский архив, пострадавший зимой 1920/21 г. от солдат, обдиравших кожа-

17 ГАЯО. Ф. Р. 221. Оп. 1. Д. 137. Л. 39.

18 Там же. Л. 40–41.

19 Там же. Л. 41 об.

20 Книга была выпущена как учебное пособие еще в 1907 г. См.: Критский П. А. Наш край. Ярославская губерния. Опыт родиноведения. Ярославль, 1907.

21 ГАЯО. Ф. Р. 221. Оп. 1. Д. 137. Л. 15 об.

22 Там же. Л. 16 об.

ные переплеты и выдиравших чистую бумагу. Спасена часть архива жандармского управления, а также семинарский архив и архив историка Корсунского²³.

П. А. Критский, дополняя докладчика, сказал, что «чья-то рука коснулась жандармского архива, который был разобран Работновым». В газете «Голос» им была помещена статья «Тайны ярославской охранки». Газета была закрыта, но рукопись удалось спасти. В докладе Д. Ф. Волкова отмечалась необходимость создания промышленно-экономического музея²⁴.

Довольно много внимания на съезде было уделено вопросам археологического изучения края. Л. А. Альбицкий сделал доклад «Курганные раскопки в Рыбинском уезде (Кстовское кладбище)», И. А. Тихомиров — «Археология местного края». Поскольку в это время Илларион Александрович болел, доклад вместо него прочел Д. А. Золотарев. Автор, в том числе, уделял внимание ярославскимкладам: «Ярославские клады включены во многие исследования, но специально ими никто еще не занимался и, за уничтожением моей работы [сгорела в июле 1918 г.], не осталось даже простого перечня их. Между тем среди ярославских кладов, и вещевых, и монетных, есть весьма любопытные, есть и новые находки большого значения»²⁵.

Доклад Д. А. Золотарева посвящался вопросам этнографии: «Антропологические и этнографические исследования в Ярославской губернии». Н. Н. Розов прочитал доклад «Вековая работа Волги у с. Феодорицкого Мышкинского уезда»²⁶.

М. В. Бабенчиков отметил большую роль Ярославского университета в деле изучения родного края. По инициативе проф. Анисимова при университете было учреждено Общество изучения истории и друзей местного края²⁷.

Оценивая позже значение Первого съезда, А. А. Золотарев отмечал, что он обозначил в качестве важнейшей задачи объединение всех научных сил снизу доверху под идейным руководством Российской академии наук. Идеалом функционирования провин-

²³ ГАЯО. Ф. Р. 221. Оп. 1. Д. 137. Л. 18.

²⁴ Там же. Л. 17 об.

²⁵ Там же. Л. 33.

²⁶ РбФ ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 15. Л. 16 об. — 17.

²⁷ ГАЯО. Ф. Р. 221. Оп. 1. Д. 137. Л. 18.

циальных краеведческих обществ была признана такая форма работы, когда результаты местных исследований обязательно доходили бы до соответствующих учреждений Академии наук, а каждое исследование на местах проводилось под научным руководством и при методической помощи центра²⁸. Отметим и еще одну важную особенность рыбинского съезда. Он был проведен задолго до того, как прошла Первая Всероссийская конференция краеведов (декабрь 1921 г.), где также было принято решение о том, что краеведческие общества должны работать под руководством Академии наук. Рыбинцы действительно выступили в этом вопросе пионерами и предопределили некоторые принципиально важные вопросы функционирования краеведческого движения в стране.

Одним из основных направлений работы общества, и об этом шла речь на Первом съезде, оставалась охрана памятников искусства и старины. Еще в августе 1920 г. по предложению А. А. Золотарева в Рыбинске была создана комиссия по охране памятников при Художественно-историческом музее. Чтобы ускорить процесс ее образования, было решено, что большинство членов комитета музея возьмут на себя обязанности членов комиссии. Часть сотрудников была определена для разъездной работы, часть для технической. В комиссию вошли 16 человек. Возглавил ее А. А. Золотарев, секретарем стал П. М. Кондратьев.

4 ноября 1920 г. К. И. Бухарин, А. А. Золотарев и П. М. Кондратьев обратились в музейный отдел Наркомпроса с предложением дать комиссии права и функции губернской (хотя Рыбинск пока еще оставался уездным городом). Они, в частности, писали: «...На наших глазах в расстоянии каких-нибудь 20–25 верст гибнут ценнейшие вещи, а мы, имея все возможности технические и личные спасти эти предметы, лишены этой возможности, так как они находятся не в нашем уезде... Сама жизнь заставляет и Рыбинску дать губернские права на эти пять уездов (Рыбинский, Мологский, Пошехонский, Мышкинский, Угличский)»²⁹.

Примечательно, что уже 17 ноября 1920 г. музейный отдел Наркомпроса согласился с этими доводами рыбинцев и предоставил им

²⁸ Золотарев А. Итоги семи рыбинских краеведческих съездов... С. 112.

²⁹ РбФ ГАЯО. Ф. Р. 429. Оп. 2. Д. 6а. Л. 206, 208.

право вести работу на территории всех указанных уездов, кроме Угличского, который остался в подчинении Ярославлю³⁰.

Среди работ по выявлению и сохранению памятников старины важное место занимало изучение рыбинского некрополя при Георгиевском храме. Этим, в частности, еще с 1919 г. занимался Я. И. Герасимов. К ноябрю 1920 г. работа была частично закончена. Данные о надписях 3097 надгробий и 105 рисунков памятников были сданы в библиотеку общества. Одновременно началась работа по обследованию кладбищ при Сретенской, Казанской, Воздвиженской церквях и при рыбинском Спасо-Преображенском соборе. Результаты этих и других исследований регулярно обсуждались на «научных средах» РНО³¹. Такая форма работы позволяла регулировать и направлять исследования.

Объектом охраны научного общества часто становились архивы. В частности, с огромным трудом удалось собрать остатки архива Рыбинского биржевого комитета. Он несколько лет располагался в здании коммерческого училища и был почти уничтожен. Как сообщал очевидец, «впечатление такое, как будто в заброшенном амбаре съели весь хлеб, и остались одни мышьиные охвостья...». А. А. Золотарев постоянно работал с архивами храмов. Он полагал, что в тех условиях будет лучше передать их для городского архива. Эту же мысль он пытался провести и в соборном совете. В июне 1920 г. он поставил перед городскими властями вопрос о создании в Рыбинске центрального архива, куда будут передаваться все выявленные архивные материалы³².

Таким образом, Первый Рыбинский краеведческий съезд сыграл очень важную роль в оживлении всего краеведческого движения в крае. Он обозначил основные принципы, методы и формы работы краеведческих организаций, которыми руководствовались на протяжении всех 1920-х годов и которые во многом выходили за рамки чисто местного краеведения. Свои впечатления о съезде Л. В. Васильева выразила так: «...Везде началась работа по изучению родного края, работа разнообразная, иногда

³⁰ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р. 429. Оп. 2. Д. 6а. Л. 210.

³¹ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р. 429. Оп. 2. Д. 6а. Л. 9.; Р6Ф ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 78. Л. 4–4 об.

³² Р6Ф ГАЯО. Ф. Р. 429. Оп. 2. Д. 6а. Л. 2–2 об.; Д. 16. Л. 25.

с преобладанием практического интереса, иногда интереса чисто научного»³³.

На съезде было принято решение: «В целях планомерной и продуктивной работы необходимо поддерживать и устанавливать связи с центральными, а также и местными учреждениями, работающими в области краеведения»³⁴.

Примечательно, что на съезде были даны рекомендации по новым направлениям работы краеведов на местах. Так, было указано, что ближайшей задачей кружков краеведения является регистрация археологических памятников, а также «тщательное охранение до научного их исследования». Речь также шла об издании краеведческих материалов, об открытии во всех городских книгохранилищах отделов местного края, из которых книги не должны были выдаваться на дом. Предлагалось переиздать некоторые материалы из газет «Ярославские губернские ведомости» и «Ярославские епархиальные ведомости» за старые годы, а также книгу П. А. Критского «Наш край». Среди других задач — регистрация памятников живой природы, с тем чтобы добиться открытия заповедников на территории губернии. Очередной съезд было решено созвать через год³⁵. Такая активная работа способствовала активизации краеведческих исследований.

Уже летом 1920 г. в Ярославле открылся съезд отделений ЕИО и научных обществ Ярославской губернии. Проходил он с 27 по 30 августа. Были представители от Вологды, Череповца, Переславля-Залесского, Шуи, практически все те, кто был и в Рыбинске. На заседаниях были заслушаны доклады-отчеты всех краеведческих обществ³⁶. Этот съезд положил начало и задал определенную направленность всем последующим съездам, направленность которых корректировалась лишь в связи с возникавшими государственными установками в сфере краеведческой работы.

Второй Рыбинский краеведческий съезд открылся 3 июня 1921 г. и продолжался 5 дней. На нем были представлены около 50 делегатов от 30 организаций. Было заслушано 38 докладов,

33 РбФ ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 15. Л. 17.

34 Там же. Л. 17 об.

35 РбФ ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 15. Л. 18.

36 См.: ГАЯО. Ф. Р. 221. Оп. 1. Д. 138. Л. 17–35 об.

которые вызвали очень большой интерес. Кроме того, 2 доклада было сделано на открытых заседаниях: Н. А. Морозов «Современное состояние воздухоплавания и авиации за нашей границей» и Д. А. Золотарев «Психологические типы современной молодежи»³⁷. На различных заседаниях съезда присутствовали от 85 до 250 человек³⁸.

На съезде была одобрена идея структурной перестройки краеведческой работы в регионе. Впрочем, как отмечал А. А. Золотарев, сама идея формирования руководящего органа всей научно-краеведческой работы в регионе возникла еще в первые годы существования Рыбинского отделения ЯЕИО, но не была тогда реализована. В 1920 г. рыбинцы предложили Ярославлю взять на себя эту задачу, но опять «не встретили одобрения». Поэтому секция краеведения разработала проект такого органа только для Рыбинского региона. Так возникло Рыбинское бюро научных обществ (РБНО). Оно создавалось на добровольной основе для руководства и координации действий всех краеведческих организаций. Главными направлениями его деятельности стали: помощь экспедициям и отдельным ученым, приезжающим в регион для научной работы, организация местных научных сил и просветительская работа³⁹. Регион, на который распространялась деятельность РБНО, сформировался исторически. Это были западные уезды Ярославской губернии, несколько пограничных уездов Тверской губернии и Переславль-Залесский уезд Владимирской губернии. В бюро вошли А. А. Золотарев (научный секретарь), А. И. Филиппов, П. А. Волков, Р. М. Охлобыстина, Л. А. Альбицкий⁴⁰.

Денежные средства для работы бюро получало от своих научных организаций. Так, сразу после его создания 100 тысяч рублей были выделены Бежецким научным обществом и 50 тысяч рублей — Рыбинским. Этого было недостаточно, и вся основная деятельность осуществлялась на общественных началах. А. А. Золотарев подчеркивал, что задачей бюро является не только краеведение, но и научное знание вообще, которое в провинции представляет со-

37 ГАЯО. Ф. Р. 221. Оп. 1. Д. 138. Л. 21 об.

38 РбФ ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 15. Л. 17; Д. 15. Л. 21 об.

39 Там же. Л. 1,9.

40 Там же. Л. 4.

бой «одинокое и кустарное научное исследование»⁴¹. За первые два года бюро провело большую работу. Прежде всего, была оказана помощь этнологической экспедиции Российской академии истории материальной культуры под руководством Д. А. Золотарева, которая работала в Мологском и Краснохолмском уездах Рыбинской губернии. Четыре отряда этой экспедиции изучали быт, хозяйство, традиции, обряды русского и карельского населения этого региона. Ими были собраны многочисленные рисунки, чертежи, планы и фотографии 1200 русских и карельских построек, а также многочисленные предметы быта. Участники экспедиции записали около 200 песен, 700 частушек, 250 загадок и т. п. Отдельно изучалась история судостроительного промысла в Мологском уезде, исследователями были собраны многочисленные предметы быта и инвентаря судостроителей⁴².

Рыбинское бюро научных обществ оказало помощь экспедиции Народного комиссариата земледелия, которая обследовала районы рек Волги, Черемхи, Юхоти и других, а также сотрудникам Волжской биологической экспедиции, которые проводили исследования Волги от Твери до Рыбинска. Сотрудники бюро и Рыбинского научного общества подготовили для академического издания «Наука в России» подробный список научных организаций и вузов Рыбинской губернии. Главный редактор этого издания академик С. Ф. Ольденбург отметил, что рыбинцы дали наиболее полные и точные сведения из всех полученных ими с мест⁴³.

На Втором съезде было решено издавать свой краеведческий журнал «Родной край». Отсутствие средств не позволило тогда наладить его выпуск, поэтому с июня 1920-го по апрель 1922 г. было подготовлено семь рукописных номеров, в которых отражались, прежде всего, материалы, подготовленные волостными краеведами. Помощь Рыбинского губернского союза потребительских обществ позволила вскоре наладить издание печатной версии журнала⁴⁴.

41 РбФ ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 15. Л. 17; Д. 15. Л. 1.

42 См. подробнее: Рязанцев Н. П. Сохранение культурного наследия в Советской России (1917–1930-й годы). Ярославль, 2011. С. 220.

43 РбФ ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 54. Л. 3.

44 См. подробнее: Климаков Ю. В. «Консервирование настоящего в надежде на будущее» (По материалам рыбинского журнала «Родной край» 1920–1927 годов) // XV Золотаревские чтения. Материалы научной конференции. Рыбинск, 2012. С. 221–226.

На его страницах можно проследить формирование интереса краеведов к книжному делу и проблемам сохранения литературного наследия края.

Бюро и секция краеведения много сделали для организации краеведческих обществ на местах. Практически все уездные и волостные научные общества в той или иной степени обязаны своим рождением Рыбинскому научному обществу. Для них готовились через кратковременные курсы кадры краеведов, они снабжались научной и методической литературой, им оказывалась помощь при создании местных музеев. Так, слушатель рыбинских краеведческих курсов И. В. Зайцев стал одним из основателей первого волостного музея в Марьинской волости Мологского уезда. Основателю Николо-Кормской секции краеведения И. В. Костоловскому удалось через РНО выхлопотать продовольственный паек. Общество оказало помощь препаратору В. П. Смирнову, историку Н. П. Дружинину и многим другим⁴⁵.

Рыбинское бюро научных обществ считало своим долгом рекомендовать наиболее успешных молодых людей для поступления в известные вузы страны. Несколько человек оказались, таким образом, в вузах Петрограда, продолжая поддерживать связь с РНО. Как отмечали члены бюро, «наиболее творческие силы временно отхлынули учиться в Петроград»⁴⁶. 5 ноября 1922 г. 13 студентов вместе с Д. А. Золотаревым создали краеведческую секцию из земляков-рыбинцев. Они объявили, что целью их организации будет продолжение изучения Рыбинского края с использованием архивных материалов Петрограда, а также помощь землякам в их учебной и научной работе. Среди организаторов секции были Н. Д. Владимирский, Г. К. Ливанов, А. И. Филиппов и другие. Секция установила связь с Петроградским отделением ЦБК, при котором еще раньше возникла комиссия по изучению Рыбинского края⁴⁷.

Одним из главных направлений деятельности РНО стала организация музея в Рыбинске и тех уездах и волостях, которые входили в сферу руководства общества. Руководители общества взяли на себя инициативу создания Рыбинского художественно-историческо-

⁴⁵ РбФ ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1 Д. 54. Л. 9 об., 10.

⁴⁶ Там же. Д. 70. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Л. 7.

го музея и вошли в созданный ими комитет музея (А. А. Золотарев, Я. И. Герасимов, Л. А. Альбицкий, Г. К. Ливанов, М. М. Щеглов). Позже Шестой Рыбинский краеведческий съезд принял решение об объединении всех рыбинских музеев. В августе 1926 г. это решение поддержал комитет художественно-исторического музея. В 1927 г. произошло объединение, и появился Рыбинский музей местного края⁴⁸.

Третий Рыбинский краеведческий съезд, проходивший в июне 1922 г., обозначил новое направление в деятельности общества — изучение производительных сил края. Было намечено изучение Рыбинской губернии с точки зрения ее места «в общей экономике страны». Фактически рыбинцы раньше других краеведческих организаций подошли к этому вопросу. На государственном уровне этот вопрос обсуждался Госпланом только в марте 1923 г. на I Всероссийской конференции по изучению естественных производительных сил страны. Вслед за этим уже последовали аналогичные губернские конференции в Костроме, Ярославле и Иваново-Вознесенске. Таким образом, Рыбинская губерния оказалась в ряду инициаторов исследования экономики и природных ресурсов. Вместе с тем нужно отметить, что интерес РНО к этой проблеме имел скорее академический характер, нежели практический, как это было во второй половине 1920-х гг. при разработке моделей экономического развития страны.

Четвертый Рыбинский краеведческий съезд, созванный осенью 1923 г., знаменовал собой новый уровень краеведческой работы. Она развивалась уже не так интенсивно, как раньше. Это было связано с изменением административного статуса города Рыбинска. Он снова стал уездным центром, что сузило возможности развертывания масштабных исследований. Но и в этих условиях рыбинские краеведы продолжали свои исследования, применяя новые, необычные формы работы.

Такой формой работы Рыбинского научного общества стало проведение «Рыбинской научной лекции». Решение о регулярном чтении такой лекции было принято еще в 1921 г. на Втором кра-

⁴⁸ См. подробнее: Рязанцев Н. П. «Спасти живую старину...»: Охрана памятников и музейное строительство в Ярославской губернии в 1918–1929 гг. Ярославль, 2000. С. 98–99.

еведческом съезде и приурочено к юбилейному, сотому собранию общества. Статут научной лекции предполагал, что она должна читаться в заранее установленный срок (как правило, на очередном краеведческом съезде). Кандидаты для прочтения лекции могли быть представлены любым членом общества. Лектор должен быть известным ученым-исследователем. После прочтения лекции он избирался почетным членом РНО и становился на один год почетным председателем общества. На свои средства общество должно было издавать текст прочитанной лекции⁴⁹.

В 1923 г. была прочитана первая такая лекция. Бывший редактор ярославской газеты «Голос» Н. П. Дружинин посвятил ее истории русского крестьянства. С. А. Золотарев в 1924 г. прочел лекцию по истории литературы, А. А. Спицын (1925 г.) — по археологии, А. В. Шестаков (1926 г.) — по зоологии. Рыбинская научная лекция Н. Г. Первухина в 1927 г. была посвящена истории искусства. Таким образом, положения статута о периодичности и высоком научном уровне лекции выполнялись, но пункт об издании лекций исполнен не был. К концу 1920-х гг. была напечатана только лекция Н. П. Дружинина⁵⁰.

Меняющиеся условия существования Рыбинского научного общества влекли за собой изменения в его структуре и форме руководства. По решению Пятого краеведческого съезда (1924 г.) Рыбинское бюро научных обществ и секция краеведения передали свои полномочия новой структуре — Бюро краеведения, а сами вошли в состав РНО. Сам А. А. Золотарев объяснял эти преобразования финансовыми трудностями, которые привели к затуханию деятельности РБНО. Кроме того, отмечал он, созданная в 1919 г. секция краеведения в основном выполняла задачу пропаганды краеведческих знаний и насаждения краеведческих организаций на местах⁵¹. В числе руководителей Бюро краеведения были А. А. Золотарев, Л. В. Васильева, А. Н. Егоров и другие⁵².

В соответствии с решениями Пятого краеведческого съезда в 1924 г. был принят новый устав Рыбинского научного общества,

⁴⁹ РбФ ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 110. Л. 30.

⁵⁰ Там же. Д. 121. Л. 169 об.

⁵¹ Там же. Д. 78. Л. 135. Д. 92. Л. 39–39 об.

⁵² Там же. Д. 110. Л. 12.

который определил его новую структуру. Оно состояло из трех отделений (физико-математическое, историко-филологическое и общественно-экономическое). Каждое отделение имело в своем составе ряд подразделений. Так, физико-математическое отделение включало естественно-исторический музей, метеостанцию, астрономическую обсерваторию, ботанический и географический кабинеты и т. д. В состав историко-филологического отделения входили библиографический кружок, комиссия по истории Рыбинска, комиссия по исследованию некрополя, библиотека, архив общества и некоторые другие подразделения⁵³.

Пятый (1924 г.) и Шестой (1925 г.) Рыбинские краеведческие съезды продолжили непростую работу по объединению всех научных сил и учреждений края для выполнения определенной, на этот момент главной, задачи. В частности, такой задачей стало изучение производительных сил края. Это было связано с завершением восстановления экономики страны и необходимостью определить дальнейшее направление экономического развития и страны, и каждого конкретного региона. Перенос центра тяжести краеведческой работы на вопросы экономики означал явную смену приоритетов, а не равноценное существование разных направлений в краеведении. Как говорила в одном из программных выступлений Н. К. Крупская, на смену старому краеведению, в котором центр внимания «был направлен только на археологию, фольклор, памятники старины и т. д.», должно прийти новое краеведение, где в первую очередь изучаются «экономика, общественная жизнь, недавнее прошлое и т. д.»⁵⁴.

Практическая деятельность РНО показывает, что гуманитарная составляющая краеведческой работы, то есть внимание к истории, археологии, литературе, этнографии, оставалось по-прежнему на первом плане. Кроме того, выполняя декрет ВЦИК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» от 7 января 1924 г., Рыбинское общество начало составлять списки памятников природы. На этих территориях предполагалось запретить хозяйственную деятельность, распашку земли, заготовку сена, вырубку леса

⁵³ РбФ ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 92. Л. 30.

⁵⁴ Цит. по: Селиванов А. М. Историческое краеведение: накопление и развитие краеведческих знаний в России (XVIII—XX вв.). Ярославль, 2005. С. 226—227.

и т. п. Старинные сады и парки в бывших усадьбах также рассматривались как памятники природы. В список общества были включены бывший Михайловский парк в Петровском, монастырская роща Софийского монастыря и роща вблизи Югского монастыря, парк в селе Тихвинском и другие объекты. Рыбинские краеведы также включили в список памятников природы сосновый бор на правом берегу реки Черемхи между деревнями Якуники и Пархино, бывшие Галуновский и Щербаковский парки в селе Копаево и ряд других. Всего в список подлежащих охране памятников природы в окрестностях Рыбинска попало 20 природных зон⁵⁵.

Численность Рыбинского научного общества на протяжении этих лет постоянно росла. Так, в 1919 г. в обществе состояли 66 рыбинцев и 20 иногородних членов. Из этого числа 40 человек входили в состав секции краеведения⁵⁶. В отчете за 1923 г. численность общества определяется «по спискам» в 445 человек. Но, согласно уставу, общее собрание вывело из числа членов 252 человек. Всего осталось 193 человека. В отчете за 1927–1928 гг. численность названа в 162 человека⁵⁷. При этом существовала некоторая градация: в составе общества были почетные члены (19 человек) и действительные (137 человек). Подобные цифры имеются по уездным отделениям РНО. Так, Мологское общество изучения родного края состояло в 1920 г. из 91 человека, Пошехоно-Володарское — из 52 членов. Но сами руководители РНО и его уездных подразделений хорошо понимали, что численность реально работающих членов существенно ниже. Руководители Мологского отделения справедливо отмечали, что если исходить из принципа «кто работает, тот и член», то реально будет 10 человек, а не 70. Руководители РНО взяли за факт работы принцип уплаты членских взносов, которые платили в 1928 г. 43% членов. Но сами при этом отмечали, что многие работники платить не могут. И их бесплатная работа засчитывается им в качестве взносов⁵⁸.

Вместе с тем необходимо отметить, что этот разницей в цифрах, преувеличение численности в отчетных документах вовсе

⁵⁵ ГАЯО. Ф. Р. 221. Оп. 1. Д. 137. Л. 19; Р6Ф ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 122. Л. 121.

⁵⁶ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 15. Л. 2–3, 14.

⁵⁷ Там же. Д. 78. Л. 1, 40.

⁵⁸ Там же. Д. 78. Л. 40; Д. 70. Л. 25; Д. 23. Л. 4.

не отвергает факта очень высокой активности краеведческой работы на местах в послереволюционные годы. Она была на порядок выше предшествующего периода и действительно отличалась массовостью⁵⁹. Этот факт был отмечен и Центральным бюро краеведения. На третьей конференции директоров ученых учреждений Ленинграда Д. О. Святский — ученый секретарь ЦБК — отмечал: «В Ярославской губернии краеведческая работа наиболее заметно протекает в Рыбинске и его уезде. В Рыбинске состоялся уже Шестой краеведческий съезд — цифра рекордная по сравнению с другими городами, и это уже одно говорит само по себе за то, что, несмотря на низведение Рыбинска на степень уездного города, краеведческая жизнь в нем не замирает. Несколько иначе дело обстоит в самом Ярославле»⁶⁰.

Седьмой Рыбинский краеведческий съезд (август 1926 г.) проходил уже в новых условиях для всего краеведческого движения. С середины 1925 г. Центральное бюро краеведения уже не подчинялось Академии наук, которая перешла в ведение Совнаркома СССР. ЦБК осталось в системе Наркомпроса, что, безусловно, снижало уровень и условия взаимодействия краеведческих обществ с ведущими научными учреждениями страны. В январе 1926 г. Д. А. Золотарев выступал на VI сессии ЦБК. Он отметил, что такое положение приводит к утрате авторитета краеведческих организаций. Эту позицию поддержал и академик Н. Я. Марр, который в письме в Совнарком отмечал, что «Наркомпрос не понял всей сущности этого движения и поэтому пытается строить здесь что-то без ориентировки на прошлое, без перспектив на будущее»⁶¹.

В новых непростых условиях члены Рыбинского научного общества продолжали вести исследовательскую работу по очень многим направлениям, связанным с изучением истории, экономики и культуры края. Так, С. Н. Талантова по архивным документам изучала быт крестьян XVIII—XIX вв., Е. В. Соснина-Пущилло систематизировала архив Мусиных-Пушкиных, а также

⁵⁹ См.: Рязанцев Н. П. Сохранение культурного наследия в Советской России... С. 214—215.

⁶⁰ Святский Д. О. Современное положение работы краеведческих организаций в РСФСР // Краеведение. 1926. №2. С. 243.

⁶¹ Цит. по: Селиванов А. М. Историческое краеведение... С. 197.

занималась обработкой фондов Рыбинского музея. Г. К. Ливанов участвовал в разработке проекта районирования губернии. А. Н. Егоров занимался методикой краеведческих исследований, а П. М. Битюцкий опубликовал несколько работ по медицине (стоматологии)⁶².

На Седьмом краеведческом съезде была возрождена традиция устройства выставок, впервые организованной на Третьем съезде. Она была призвана подвести итоги проделанной работы по всем направлениям. На выставке были представлены итоги развития города, состояние научных обществ и учреждений края, в том числе результаты работы РНО в области геологии региона, достижения промышленности. Сам А. А. Золотарев считал, что съезд должен подвести итоги важного семилетнего цикла деятельности общества и определить дальнейшие перспективы.

Развернувшаяся на съезде дискуссия снова обозначила сложную проблему сущности краеведческой работы. Руководство Рыбинского общества настаивало, что «краеведение есть только приспособление общей науки к местным нуждам, только малая струйка общего научного потока... Отрыв провинциальной науки в тесный уголок своего края вызовет — и в очень близком будущем — не только шаг назад в общем научном творчестве всей страны в целом, но и неминуемое обесцвечивание, захирение и гибель самого краеведения»⁶³. «Мы по-прежнему думаем, — писал А. А. Золотарев, — что одна из главных задач краеведения в том, чтобы сделать новым Ломоносовым дорогу от Архангельска на Москву и в западные центры научного творчества, путь жизни от деревенского грамотея до академика гораздо более скорым и торным, чем он был два столетия назад»⁶⁴. Но в новых условиях такая позиция рыбинских краеведов уже не вписывалась в политику государства по отношению к краеведческим обществам.

Начиная с Третьего краеведческого съезда, стало ясно, что на определенный период работы общества необходимо выбирать ос-

⁶² РбФ ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 78. Л. 42, 45.

⁶³ Золотарев А. А. Итоги семи рыбинских краеведческих съездов... С. 113.

⁶⁴ Там же. С. 113–114.

новной вопрос, вокруг которого должна строиться вся работа. На Девятом краеведческом съезде таким вопросом стало районирование, изучение производительных сил края, анализ перспективы развития речных перевозок по Волге, Шексне и Мологе и железнодорожного транспорта⁶⁵. Подобные проблемы, связанные с начавшейся индустриализацией, были в центре внимания и Десятого Рыбинского краеведческого съезда (1929 г.). Вероятно, в глубине души и руководители, и многие рядовые члены РНО не были согласны с такой узкой трактовкой краеведческих исследований и пытались, как и прежде, охватить в своей работе все стороны истории, экономики и культуры края. Как выразился А. А. Золотарев, они по-прежнему стояли на позиции «интегрально, целостно понимаемого краеведения».

Такие принципиально различные подходы к целям краеведческого движения власти и краеведческих обществ прослеживаются, к примеру, в тематике выступлений на конференциях по изучению производительных сил. Так, в июне 1924 г. по инициативе губплана была проведена первая конференция по изучению производительных сил, народного хозяйства и природы Ярославского края. На ней было заслушано 46 докладов по следующим проблемам: недра и воды, климат, промышленность и сельское хозяйство, пути сообщения и транспорт, флора и фауна и т. д. Доклады представителей Ярославского естественно-исторического и краеведческого общества мало вписывались в эту проблематику. Н. Г. Первухин выступил с докладом о музейном строительстве в крае, доклад Н. Г. Огурцова был посвящен литературе о Ярославском крае, а А. И. Смирнов обратился к проблеме изучения местных архивов⁶⁶.

В 1928 г. Ассоциация по изучению производительных сил докладывала о проведенных экспедициях по исследованию залежей строительных глин и опытах изготовления кирпича, об изучении энергетических ресурсов края, о возможностях использования водных путей и железнодорожного транспорта для будущих крупныхстроек и т. п. Созданный в Ярославле филиал Научно-исследовательского института Верхнего Поволжья и Русского Севера вел исследо-

⁶⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 121. Л. 168–168 об.

⁶⁶ См.: Селиванов А. М. Историческое краеведение... С. 228–229.

вания по направлениям: природа, экономика, человек⁶⁷. Очевидно, что проблематика, которой занимались члены Рыбинского научного общества и других краеведческих организаций на протяжении всех 1920-х гг., уже с трудом вписывалась в эти новые реалии производственного краеведения. Гуманитарная проблематика отошла на второй план.

Рыбинское научное общество было одним из самых авторитетных в России. Его труды были известны за рубежом. Научные издания рыбинцев приобретали такие научные центры, как Стэнфордский университет в США, научные библиотеки городов Упсала и Бреслау, Международный союз евгенических организаций, а также научные учреждения Германии, Голландии и Дании⁶⁸. Именно общество было организатором десяти краеведческих съездов, значение которых выходило далеко за пределы Рыбинского края. Съезды стали коллективным организатором краеведческого движения в регионе. На них подводились итоги деятельности за определенный период и намечались задачи краеведения на будущее. Краеведческие съезды придавали всему краеведческому движению и работе всех краеведов общественную значимость.

На рубеже 1920–1930-х гг. власти объявили поход против «краеведческой контрреволюции». Начался процесс ликвидации краеведения эпохи «золотого десятилетия». Этот процесс можно наглядно проследить на примере Рыбинского научного общества и А. А. Золотарева. На протяжении многих лет А. А. Золотарев являлся бессменным руководителем Рыбинского научного общества, инициатором созыва многочисленных краеведческих съездов. Он стоял у истоков создания Рыбинского музея. Он был известен в стране и за рубежом как авторитетный ученый и литератор, долгие годы состоял в переписке с А. М. Горьким.

В сентябре 1928 г. А. А. Золотарев обратился в отдел научных учреждений Главнауки с просьбой о научной командировке во Францию и Италию. В своем заявлении ученый указал, что в период политической эмиграции он вместе с братом Н. А. Золотаревым че-

⁶⁷ См.: «Вглядись в минувшее бесстрашно...»: культурная жизнь Ярославского края 20–30-х гг.: Документы и материалы / Под ред. А. М. Селиванова. Ярославль, 1995. С. 207–208, 212.

⁶⁸ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 121. Л 51, 73, 101.

тыре года жил в Париже. Брат работал в Парижской Тургеневской библиотеке, составляя библиографию русской заграничной печати. Первая часть этой работы была посвящена библиографии русской социал-демократической печати. Она вышла тогда же в Париже, а затем в 1921 г. в Советской России вышло второе издание этой работы под редакцией Л. Б. Каменева.

Эта работа была прекращена в связи с начавшейся Первой мировой войной. Собранные материалы были переданы на хранение в один из французских банков, который вскоре закрылся. Н. А. Золотарев вступил во французскую армию и погиб на фронте. Теперь А. А. Золотарев предлагал, используя свои зарубежные связи, попытаться разыскать во Франции эти ценнейшие библиографические материалы и вывезти их в Россию⁶⁹.

Кроме того, А. А. Золотарев намеревался продолжить работу в Италии по истории эпохи Дж. Бруно и также вывезти из Неаполя часть оставленного там архива. Он предполагал закончить работу в Италии за 8–10 месяцев, во Франции за 2–4 месяца. А. А. Золотарев был готов осуществить эту поездку за свой счет и просил Главнауку оплатить ему хотя бы расходы на дорогу⁷⁰.

А. А. Золотарев полагал, что поездка могла бы еще больше поднять престиж Рыбинского научного общества и музея, международные связи которых выходили далеко за пределы уездного города. Но довольно скоро от идеи командировки пришлось отказаться. В июне 1928 г. комиссия по научным заграничным командировкам при Наркомпросе отклонила просьбу А. А. Золотарева без объяснения причин такого решения⁷¹.

А. А. Золотарев постоянно акцентировал внимание музейной и краеведческой общественности на проблемах охраны памятников старины. Он считал, что это направление должно стать одним из главных и в работе Рыбинского музея. Пока эта работа, по мнению ученого, не ведется или ведется неудовлетворительно. В частности, по этой причине разрушается живопись и архитектура Спасо-Преображенского собора⁷².

69 РбФ ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.

70 Там же. Л. 46–47.

71 Там же. Д. 128. Л. 37.

72 РбФ ГАЯО. Ф. Р. 429. Оп. 2. Д. 89. Л. 12.

Но в конце 1920-х гг. власти все чаще требовали от краеведческих обществ не изучения исторического прошлого края, не сохранения церковной старины, а приближения к проблемам социалистического строительства. Руководство Ивановской промышленной области, куда в 1929 г. вошла Ярославская губерния, также в одном из своих решений записало, что краеведческие общества в основу своей работы должны положить осуществление пятилетнего плана. Видимо, вынужденное каким-то образом реагировать на такие приказы, Рыбинское общество на одном из заседаний рассмотрело докладную записку мологского краеведа Н. В. Чижикова о состоянии сельского хозяйства в крае. Он писал о крайне низкой производительности труда в колхозах и совхозах, об убыточности общественного производства. Предлагал внедрять элементы научной организации труда в сельском хозяйстве⁷³. Такая критическая оценка проводившейся коллективизации также совершенно не укладывалась в рамки официального курса.

Независимая позиция руководителя Рыбинского научного общества в новых политических условиях не могла сохраняться долго. Самая настоящая атака на А. А. Золотарева была предпринята 26 января 1930 г. на заседании Рыбинского окружного бюро краеведения, где он делал отчетный доклад о работе общества за год. В прениях по докладу представитель городских властей дал очень жесткую оценку деятельности общества. Он заявил: «В обществе господствуют религиозно-идеалистические воззрения (поповщина), оторванность от широкой общественности и современности. Общество все в прошлом, ушло в могильники (кладбищенская комиссия), в отвлеченный академизм (комиссия по изучению наук), общество утонуло в своих пожизненных почетных членствах. Нужно в корне изменить работу, и, прежде всего, научно-краеведческую работу построить на материалистической основе. Нужно подчинить всю работу задачам социалистического строительства. Без этого общество не нужно и даже вредно»⁷⁴. Последняя фраза звучала как серьезное обвинение, угроза и была просто опасной для многих членов общества.

Но в прениях по докладу члены общества А. Ф. Виноградов, Г. К. Ливанов, А. Н. Егоров, В. Н. Бруни поддержали своего

⁷³ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р. 429. Оп. 2. Д. 89. Л. 225–225 об.

⁷⁴ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп.1. Д. 135. Л. 67.

председателя. В заключительном слове и сам А. А. Золотарев показал, что готов решительно отстаивать свою позицию. «Нельзя всю научную работу подчинить политике, — говорил он, — нельзя все краеведение направить на выполнение только узко практических задач». В пылу полемики А. А. Золотарев весьма неосторожно высказался по фундаментальным идеологическим вопросам. «Диалектически подходя к Марксу, — сказал он, — выходит, что марксизм — идеология еврейства; марксизм перерос в ленинизм, а ленинизм заменился сталинизмом... В конституции сказано, что гражданин может исповедовать любую веру — религию, а воинствующие безбожники диалектически идут дальше, и здесь сталинизм перешел в контрреволюцию». А. А. Золотарев хорошо понимал опасность ситуации и невозможность продолжать работу общества в прежнем направлении. Именно поэтому он закончил свое выступление заявлением о своей отставке: «До сегодня я колебался, а сегодня я узнал, что я должен сделать, я должен снять с себя пост председателя общества»⁷⁵.

Несмотря на остроту дискуссии, резолюция по отчетному докладу А. А. Золотарева была предложена вполне взвешенная, с фиксацией как достижений, так и недостатков в работе. С учетом распоряжения Наркомата юстиции резолюция требовала к 1 мая 1930 г. всем членам общества пройти перерегистрацию, вовлечь в организацию новых членов из числа коммунистов, комсомольцев и рабоче-крестьянского актива. До 15 марта общее собрание должно было утвердить новый устав и выбрать новое правление общества.

Но присутствовавший на собрании представитель власти посчитал такой проект резолюции слишком мягким. Он потребовал, чтобы собрание отмежевалось от оценок, которые Золотарев дал марксизму, ленинизму и сталинизму, и включило бы в текст резолюции такой пункт: «Резко осуждая и отмежевываясь от враждебных и вредных взглядов Золотарева, Бюро исключает его из членов Бюро краеведения и ставит перед РНО... вопрос о дальнейшем его пребывании в роли председателя общества». Реальную опасность такой резолюции хорошо понимал сам А. А. Золотарев. В ходе продолжившихся прений он выступил еще раз, попытался сгладить впечатле-

⁷⁵ РбФ ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп.1. Д. 135. Л. 67.

ние от тех слов, за которые теперь ухватились его недоброжелатели, и в заключение произнес пророческие и полные горечи слова: «...Вместо благодарности за мою работу этим пунктом резолюции вы сажаете меня в тюрьму»⁷⁶.

Но это не остановило организаторов акции. Резолюция с предложенными дополнениями была поставлена на голосование и принята, как зафиксировал протокол, большинством голосов. В протоколе заседания правления общества, датированным следующим днем — 27 января 1930 г., — Золотарев, Виноградов, Ливанов и другие уже отмечены как выбывшие из состава правления.

Затем события развивались еще быстрее. 5 февраля 1930 г. А. А. Золотарев был арестован, и ему было предъявлено обвинение по ст. 58 — 10, 11 УК РСФСР. Уже 9 февраля 1930 г. было подготовлено обвинительное заключение по делу членов Рыбинского научного общества, которое было названо в документе «антисоветской группировкой интеллигенции из научных работников». Их обвинили в том, что, «объединившись в местном научном обществе, они вели явную антисоветскую деятельность, а именно: антисоветскую агитацию против существующего строя, против политики советской власти», а также выступали «организованно против закрытия церквей», убрали из научного общества просоветски настроенных членов, «устраивали сборища-вечеринки, на которых вели антисоветские разговоры». Л. А. Альбицкий обвинялся также в незаконном хранении оружия, что он признал⁷⁷.

В обвинительном заключении были приведены примеры такой антисоветской агитации, которая «сводилась в основном к тому, что у власти сидят варвары, враги науки и культуры, головоотяпы, не умеющие управлять страной, политика которых приведет советскую власть к неизбежному краху, а не к социализму...»⁷⁸ «Что бы ни говорили большевистские вожди, но при сталинской диктатуре советская власть должна прийти к краху», — якобы говорил А. А. Золотарев. П. М. Битюцкий, по версии обвинения, заявлял: «...Большевики не знают, на ком выместить свою злобу от постигших их неудач на хозяйственном и политическом фронтах. Вымещают их на ни в чем не

⁷⁶ РбФ ГАЯО. Ф. Р. 334. Оп. 1. Д. 135. Л. 67 об.

⁷⁷ ГАЯО. Ф. Р. 3698. Оп. 2. Д. С-4030. Л. 102.

⁷⁸ «Вглядись в минувшее бесстрастно...» С. 214—215.

повинных людях, лишая их избирательных прав, сажая в тюрьмы и подвергая ссылкам». Е. В. Соснина-Пуцилло, как следует из обвинительного заключения, утверждала, что «музей по новому принципу перестраивать не надо, так как ей и обществу марксистские принципы-установки в музее не нужны»⁷⁹.

Кроме того, «виной» каждого из обвиняемых было их социальное происхождение. Так, А. А. Золотарев фигурировал в обвинении как «сын местного попа, бывший меньшевик», а А. Ф. Виноградов как «анархист и сын местного рыбинского попа». Е. В. Соснину-Пуцилло комиссия по пересмотру личного состава музейщиков еще в 1928 г. характеризовала так: «Свое дело знает хорошо; к делу относится с интересом. Часть музейного имущества в Рыбинском музее реквизирована у нее самой, а потому не исключена возможность производства замены и похищений. Политически чужда советской власти; советское влияние проводить не может. Подлежит замене»⁸⁰. Теперь к этому добавили то, что ее родственник-офицер был расстрелян как участник Ярославского белогвардейского мятежа.

Обвиняемые своей вины не признали. А. А. Золотарев и П. М. Битюцкий выразили их общее отношение к предъявленным обвинениям: от них исходили критические замечания в отношении политики правительства; они допускают, что эти слова могли быть поняты неверно⁸¹.

27 марта 1930 г. Особое совещание при коллегии ОГПУ постановило А. А. Золотарева, А. Ф. Виноградова, Л. А. Альбицкого, Е. В. Соснину-Пуцилло, П. М. Битюцкого «выслать в Северный край сроком на три года, считая с 5 февраля 1930 года»⁸². В качестве высланного А. А. Золотарев прибыл в Архангельск и был направлен на лесозаготовки. Затем из Архангельска он был по ошибке доставлен на доследование в Иваново-Вознесенск. По мнению костромского краеведа В. И. Смирнова, который был в ссылке вместе с Золотаревым, эта ошибка спасла ему жизнь. Его снова вернули в Архангельск, но теперь он оказался не на лесозаготовках, а рабо-

⁷⁹ ГАЯО. Ф. Р. 3698. Оп. 2. Д. С–4030. Л. 92

⁸⁰ Там же. Д. С–12028. Л. 28.

⁸¹ См.: ГАЯО. Ф. Р. 3698. Оп. 2. Д. С–3698. Л. 100.

⁸² «Вглядись в минувшее бесстрашно...» С. 215–216.

тал корректором в одной из архангельских газет и проживал в Соломбале⁸³.

Расправа с руководством Рыбинского научного общества и ссылка некоторых членов его правления, тем не менее не остановили кампанию по дискредитации краеведческого движения. В самом конце года, 29 декабря 1930 г., созданная рыбинскими властями комиссия под председательством Короткова, в составе В. И. Иорданского и А. А. Бараева составила акт обследования работы РНО и краеведческого музея за период с 1922 по 1929 г. Оценки, представленные в акте, больше напоминали материалы обвинительного заключения. Общество, музей и их орган журнал «Родной край», отмечала комиссия, в качестве главной задачи своей деятельности провозгласили «страстное искание истины», но исходили при этом не из марксистских методов, а «из установок, насквозь проникнутых реакционной идеалистической идеологией».

Комиссия отмечала в работе общества и музея «полное отсутствие и отражение революционных событий... и более того, отсутствие таких слов, как пролетариат, классовая борьба, республика, советы, революция, и имена вождей». Зато краеведы активно изучали жизнь и деятельность «бывших» людей — Расторгуева, Карякина, Путятина, Жеребцова и других (речь шла о предпринимателях и руководителях дореволюционного Рыбинска). В вину лично А. А. Золотареву было поставлено, например, слишком большое внимание истории Софийского монастыря в Рыбинске. Он говорил «о быстром росте Софийского монастыря за шесть десятилетий и о современном его разорении»⁸⁴.

Наконец, в акте содержались просто абсурдные утверждения о том, что обнаруженные комиссией в музее серебряные изделия немусейного значения весом 32 кг и изделия из цветных металлов весом 750 кг, а также вещи из усадьбы Михалковых Петровское были сохранены музейными работниками неслучайно. «Есть основания предполагать, — писали члены комиссии, — что указан-

⁸³ См.: Решетов А. М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4. СПб., 1994. С. 195.

⁸⁴ См.: Рязанцев Н. П. Сохранение культурного наследия в Советской России... С. 237.

ные вещи хранились в целях возвращения их прежнему владельцу»⁸⁵.

В заключение члены комиссии еще раз подтвердили свой вывод о том, что деятельность Рыбинского научного общества и музея на протяжении многих лет «в отношении социалистического строительства была вредительской». В 1931 г. в Иваново-Вознесенске была издана брошюра «Против вредительства в краеведческой работе», в которой труды А. А. Золотарева объявлялись враждебными и контрреволюционными⁸⁶.

После ссылки с помощью семьи А. М. Горького А. А. Золотареву удалось устроиться в Москве. Он писал воспоминания, очерки о деятелях отечественной культуры, занимался литературной критикой. Жизнь его в этот период была весьма непростой. Сказывались последствия ссылки, гибель в лагерях его родных братьев Д. А. и С. А. Золотаревых. А. А. Золотарев умер 13 февраля 1950 г. в Москве и был похоронен на Ваганьковском кладбище.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов», А. А. Золотарев был реабилитирован⁸⁷. Тогда же под реабилитацию попали и другие репрессированные члены Рыбинского научного общества.

Сохранившиеся свидетельства современников об А. А. Золотареве, его собственные произведения и стихи рисуют нам человека очень мягкого, интеллигентного, благожелательного. Человека «евангельского», как отозвался о нем его коллега по архангельской ссылке. Вместе с тем это был человек большой моральной силы, мужества, внутренней убежденности. События, связанные с разгромом Рыбинского научного общества, показывают, что даже перед лицом очень серьезной опасности он не мог пойти против совести и убеждений. Эти качества воспитала в нем его семья — отец-священник, мать, обстановка родного дома. В 1937 г. А. А. Золотарев

⁸⁵ РбФ ГАЯО. Ф. Р. 429. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–3.

⁸⁶ Там же. Л. 4; Решетов А. М. Репрессированная этнография... С. 195.

⁸⁷ См.: Рязанцев Н. П. «Своему народу я не изменил...» (страницы жизни и деятельности А. А. Золотарева на рубеже 1920–1930-х гг.) // Социальная история российской провинции: материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Ю. Г. Салова, И. Ю. Шустрова. Ярославль, 2007. С. 134.

написал стихотворение «Матери», в котором были такие, многое объясняющие строки: «Верить ли, любимая? — Все, чему учила ты, все слова я свято сохранил. Угличу родимому, дедовским могилам, своему народу я не изменил».

Незначительные, на первый взгляд, сроки ссылки на деле обобщались для многих краеведов последующими репрессиями. Это наглядно видно на примере рыбинского краеведа П. М. Битюцкого. После отбытия трехлетней ссылки он в 1934 г. возвратился в Рыбинск и стал работать по своей специальности зубным врачом в амбулатории водного транспорта. Вскоре на него поступил донос, содержание которого легло в основу нового обвинения. П. М. Битюцкого обвинили в распространении «провокационных слухов о жестокостях властей в отношении духовенства», а также в том, что после убийства Кирова он сделал «яркий террористический выпад против руководителей партии и правительства». Особым совещанием он был приговорен к трем годам ссылки в Красноярский край. В 1938 г. он снова вернулся в Рыбинск и работал зубным врачом поликлиники Волгостроя. В начале 1941 г. вновь был арестован «за участие в антисоветских сборищах и восхвалении царского строя» и осужден по ст. 58—10 УК РСФСР на 10 лет с дальнейшим поражением в правах еще на пять лет. Был реабилитирован только в 1989 году⁸⁸.

Рыбинское научное общество 1920-х гг. занимало особое положение среди многочисленных краеведческих обществ страны, а организованные им десять краеведческих съездов можно считать уникальным явлением в истории советского краеведения эпохи «золотого десятилетия». Сохраняя традиции дореволюционного времени, общество продолжало не только заниматься просветительством и изучением истории, экономики и культуры края, но считало своей главной задачей приобщение краеведения к большой науке. Мы, научные работники провинции, подчеркивал А. А. Золотарев, «перестанем работать и развиваться, если для нас померкнет линия движения от краевой науки к мировой науке». А замкнутость краеведения на чисто местных проблемах вызовет уже в ближайшем будущем упадок и гибель самого краеведения. Время показало, что эти опасения не были лишены оснований.

⁸⁸ Архив Управления Федеральной службы безопасности по Ярославской области (Архив УФСБ). Дело № С—558498. Т. 1; Дело № С—2486. Т. 1.

**Николай Павлович Рязанцев
Юлия Геннадьевна Салова**

РЫБИНСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ СЪЕЗДЫ В 1920-Е ГОДЫ

Редактор М. А. Нянковский
Корректор Л. Е. Новожилова
Верстка Н. В. Гордеевой
Обложка Е. В. Кабановой

Подписано в печать 15.11.2015
Формат 60х90/16. Бумага типографская.
Печать оперативная. Усл. печ. л. 2,0. Заказ №
Тираж 500 экз.

ООО «Академия 76»
150049 Ярославль, ул. Рыбинская, 59–22
nyankovskiyta@yandex.ru

Отпечатано в соответствии с качеством
исходного электронного оригинала
в типографии ООО «Канцлер»
150008 Ярославль, ул. Клубная, 4–49.
Тел. (4852) 58-76-33, 58-76-37